ЭПИЛОГ

АРКЕСИЛАЙ И ПОВОРОТ К СКЕПТИЦИЗМУ

Подробное исследование «скептической» Академии не входит в задачи этой книги[1]. Однако в заключение следует уделить некоторое внимание тому примечательному изменению направления, которое совершил преемник Кратета на посту главы школы Аркесилай из Питаны, а также возможным причинам, это изменение обусловившим. Из относительно детальной биографии у Диогена Лаэртия (DL 28–45) можно заключить, что Аркесилай отнюдь не был незваным гостем на философской сцене. Он присоединился к Академии во времена Крантора (вероятно, в середине 290-х) — после краткого периода учебы в Ликее Феофраста (DL IV 29–30), который, кажется, был огорчен по этому поводу, и провел в школе почти двадцать лет до того, как встал во главе Академии после недолговечного преемника Полемона Кратета в середине 270-х гг. Разумеется, его кандидатура была одобрена остальными членами Академии, когда некий Сократид, как сообщается, уступил ему пост (DL IV 32). Так что оснований для заключения, что Аркесилай «захватил» Академию и извратил платоновскую традицию против воли его последователей, у нас нет. Как раз напротив, можно предположить, что он попытался возродить ту традицию, которая начала разрушаться, и возвратить ее к подлинным истокам. И традиция эта, по замыслу Аркесилая, восходит к методам и интересам основного источника вдохновения Платона — Сократа[2].

Прежде чем обратиться к содержанию реформы Аркесилая, посмотрим, в каком философском контексте она происходила[3]. К тому

[1] К тому же это уже сделано в целом ряде недавних работ, из которых можно упомянуть: Stough (1969: 35–66); Long (1974: 88–106); Schofield et al. 1980; Long, Sedley 1987; Algra et al. 1999 (с подробной библиографией).

[2] Примечательно сообщение Диогена (IV 32) о том, что «Платоном он, по-видимому, восхищался и приобрел копии его книг (kai ta biblia ekektēto autou)». Неординарное, как представляется, утверждение о главе платоновской Академии. Возможно, дело в том, что в это время в Академии возродился интерес к ранним диалогам Платона и таким апоретическим произведениям, как *Теэтет*.

[3] Этот контекст, как мне представляется, составляли стоики и перипатетики (именно в такой последовательности). Эпикурейцы также играли в это время заметную роль, однако они были чем-то вроде марксистов эллинистической эпохи. Необходимо было либо полностью разделять их позицию, либо безоговорочно отвергать ее. На контакт они не шли.

моменту, когда Аркесилай стал главой Академии, Зенон из Китиона развивал свое оригинальное учение уже примерно в течение двадцати лет (с начала столетия). Сообщается, что он прибыл в Афины ок. 311 г., в возрасте двадцати двух лет, последовал за киником Кратетом и учился у Полемона в Академии, а затем основал свою школу. Сомневаться в этом сообщении нет оснований, однако не ясно, учился ли он в этих двух местах одновременно или последовательно, и если последовательно, то в каком порядке. Несомненно, однако, что учеба пошла ему на пользу.

Физика и этика Зенона представляют собой развитие и формализацию современного ему платонизма, и это наблюдение не нравилось позднейшим главам Академии. Стоическую космологию, в конце концов, можно считать лишь последовательным доведением до логического завершения традиции небуквальной интерпретации *Тимея*. Как мы видели в соответствующих частях о Ксенократе, Полемоне и Филиппе Опунтском, если систему *Тимея* демифологизировать, то в результате остается один активный принцип, который можно считать либо космическим Умом, либо Мировой Душой, упорядочивающей пассивный материальный субстрат, причем этот активный принцип скорее имманентен, нежели трансцендентен космосу и располагается на периферии неба. Следует рассматривать этот принцип в качестве материального или же нематериального, также не вполне ясно, однако (в особенности после спекуляций таких авторов, как Гераклид Понтийский) не так уж сложно сделать следующий шаг и решить, что он есть особого рода чистый огонь.

В сфере этики позиция Зенона сформировалась под сильным влиянием аскетизма и антиномизма киника Кратета, однако и в этом случае он адаптировал и развил теорию Ксенократа и Полемона о вещах, «первичных по природе», и жизни в согласии с природой, хотя и довел указанную теорию до предела и даже парадокса, отрицая роль человеческого счастья во всем, кроме достижения добродетели. Только в логике стоики пошли по оригинальному пути, однако их логическая система получила полное развитие лишь во времена Хрисиппа.

Такое развитие событий, следовательно, оказалось серьезным вызовом для современного платонизма. Все, на что был способен платоник школы Полемона, Зенон, как кажется, мог делать лучше. Платоникам оставалось либо уйти совсем, либо признать, что стоицизм — ис-

тинный интеллектуальный наследник платонизма (и к такому заключению действительно пришел Антиох Аскалонский два столетия спустя), либо напрячь силы, обратиться к собственным истокам и предпринять широкомасштабную атаку на концепцию всякой догматической очевидности.

Аркесилай пошел по этому последнему пути. Диоген Лаэртий говорит о нем, причем без видимого одобрения (IV 28): «Он первым стал воздерживаться от суждений при противоречивости противоположных аргументов, первым стал рассматривать вопросы с обеих сторон и первым сдвинул (prōtos ekinēse) учение, завещанное Платоном, своими вопросами и ответами сделав его похожим на эристику». Эта характеристика, хотя она и отражает основные особенности «нового начала» Аркесилая, тенденциозна и негативна. Аркесилай, вероятно, считал, что он возвращается к тому типу мышления, который был свойственен ранним платоновским «сократическим» диалогам, и возрождает дух диалектического поиска, столь характерный для Академии в самом ее начале при Платоне. Несомненно, он ни в коей мере не был защитником скептицизма в современном значении этого слова. Он отрицал, что достоверность в стоическом смысле (katalēpsis) можно вывести из чувственного опыта, сколь угодно «убедительного». Возможно, истинное положение вещей действительно перед нами, однако мы не можем быть уверены в том, что правильно его восприняли, хотя никто не запрещает пытаться и дальше. Именно таков, кстати говоря, оригинальный смысл слова skepsis — рассмотрение, исследование.

Как Аркесилай поступил с разнообразными спекулятивными теориями относительно первых принципов и структуры действительности, которые были разработаны за предыдущие семьдесят лет существования Академии, мы не знаем. Вероятно, он просто отложил их в сторону. Благочестивое мнение, возобладавшее в позднейший период, — вероятно, высказываемое уже Филоном из Ларисы, однако достоверно зафиксированное Нумением (fr. 25, 75–83) и Секстом Эмпириком (Пирроновы положения I, 234), — что Аркесилай практиковал скептицизм только в качестве полемического инструмента против стоиков и упражнения для своих учеников, втайне продолжая оставаться догматиком, вероятно, лишено оснований и придумано для того, чтобы сохранить внешнюю видимость единства академической традиции. Такие труды, как *Тимей*, скорее всего, пылились на полке в библиотеке Аркесилая, в то время как *Теэтет*, вне всякого сомнения, изрядно потрепался от постоянного использования.

Новое направление в философской ориентации Академии сформировалось без какого-либо участия со стороны Ликея. При преемнике Феофраста Стратоне из Лампсака, который стал главой школы в 286 г., аристотелевский Ликей всерьез обратился к естественнонаучной проблематике. Хотя Стратон написал множество работ на различные темы, он известен в основном благодаря своим воззрениям по физическим вопросам. Стратон умер ок. 270–268 гг., и во время пребывания Аркесилая на посту главы Академии Ликей возглавлял лояльный, однако ничем не примечательный Ликон. В области философии он, попросту говоря, был Аркесилаю не соперником.

Таким образом, Аркесилай пошел по пути, единственно возможному в том случае, если он хотел сохранить переданное ему сократическое и платоническое наследие, как он его себе представлял. В противном случае ему пришлось бы просто следовать за Зеноном. Оживив скептическую составляющую платоновской мысли, он лишь свидетельствует о том, насколько впечатляющей была гибкость академической традиции. И именно такой я старался показать ее читателю. Следует помнить, что, хотя в 339 г. главой школы стал Ксенократ, на его месте вполне мог бы быть и Аристотель или Гераклид Понтийский. Они не заняли этого места отнюдь не по причине доктринальных разногласий. Приход на пост главы Академии такой фигуры, как Аркесилай, служит, таким образом, достойным завершением нашей истории.